

Шан Сижуй не хотел отрываться от его губ, приподнял бёдра, и Чэн Фэнтай, охваченный желанием, взял его «ястреба» в рот. Шан Сижуй почувствовал, как внизу стало тепло и тесно, приподнялся и, увидев, что происходит, остолбенел. Сколько бы людей ни осыпало его цветами и серебряными юанями, никто никогда не делал для него такого в постели. Физическое удовольствие не шло ни в какое сравнение с душевным волнением, которое он испытывал сейчас. У Чэн Фэнтая было много ярких красавиц, ради которых он не жалел денег, но в постели он всегда был тем, кого обслуживают, и никогда раньше не делал ничего подобного. Сам он тоже был в шоке, но, немного оправившись, начал неумело подражать своим любовницам, заставляя Шан Сижую стонать и извиваться от наслаждения, пока тот не оказался на грани слёз.

Губы Чэн Фэнтая онемели от трения, а когда член достиг горла, он чуть не подавился. Не ожидал, что эта штука окажется такой выносливой и внушительных размеров, вполне достойной мужчины. Хорошо, что он всегда держался в мужской компании, иначе, попав в руки к любительницам лицедеёв, его бы просто замучили в постели. Шан Сижуй, наслаждаясь, схватил Чэн Фэнтая за короткие волосы, пытаясь контролировать ритм, а другой рукой ласкал его ухо, явно намереваясь растянуть удовольствие. Чэн Фэнтай еле выдерживал эти непрерывные «перевороты ястреба», но, сделав ещё несколько движений, начал массировать яички Шан Сижую, одновременно лаская языком кончик, и, глубоко втянув, довёл его до оргазма.

Чэн Фэнтай лёг рядом с Шан Сижуюем, глядя на него, проглотил содержимое своего рта и, насмешливо причмокнув, сказал:

— Это было ещё более смущающе и возбуждающе, чем сам акт.

Тот, кто это делал, был совершенно бесстыдным и даже довольным, а Шан Сижуй, пережив это, покраснел до ушей, вскрикнул, схватил подушку и накрыл ею лицо, отказываясь показываться, несмотря на уговоры Чэн Фэнтая, и из-под подушки прозвучало:

— Ты такой грязный!

Чэн Фэнтай не понимал, почему его жертва вызвала такую реакцию, и, обнимая смущённого лицедея, сказал:

— В чём грязь? Это твоя сущность, полезная для голоса. Может, я тоже смогу спеть что-нибудь, например, «Динцзюньшань»?

Шан Сижуй, всё ещё прячась, не отвечал, а Чэн Фэнтай, поддразнивая, толкал и щекотал его. Шан Сижуй, упрямо лёжа, не двигался. Чэн Фэнтай шлёпнул его по ягодицам, приподнял халат и прижался к нему голым телом:

— Тогда я не буду церемониться!

Шан Сижуй внезапно оттолкнул его и встал на кровать, покачиваясь сверху:

— Не смей! У меня сегодня спектакль!

Чэн Фэнтай взглянул на своё возбуждение:

— У тебя спектакль, а у меня что, ничего?

Шан Сижуй ткнул пальцем ноги в его член:

— Разберись сам!

И, голый, уже собирался спрыгнуть с кровати и убежать. Чэн Фэнтай схватил его за лодыжку, повалил на кровать и начал ласкать, но, боясь помешать его выступлению, остановился и уговорил Шан Сижую ответить взаимностью. Шан Сижуй, неохотно взяв член в рот, думал о том, что его драгоценные губы, способные вызвать восторг во всём Бэйпине, теперь заняты таким грязным делом. Одно только зрелище заставляло кровь кипеть, вызывая чувство, которое в театральных кругах называют «осквернением искусства», — как будто, оскверняя Шан Сижую, они оскверняли само искусство.

Чэн Фэнтай, держа Шан Сижую за затылок, начал двигаться, чувствуя, как напряжение нарастает. Шан Сижуй, видя его удовольствие, решил не уступать и, сжав губы, укусил. Его острые клыки вызвали у Чэн Фэнтая смесь боли и наслаждения, и он тут же кончил. Шан Сижуй, не успев увернуться, получил всё в рот и, разозлившись, выплюнул на грудь Чэн Фэнтая, а затем побежал в ванную полоскать рот.

Чэн Фэнтай, сняв халат, последовал за ним, с унылым видом сказав:

— Ты так меня презираешь.

Шан Сижуй не ответил, набрав в рот воды и обернувшись с невинным выражением лица, в глазах мелькала хитринка. Чэн Фэнтай, уже обманутый раз, на этот раз был начеку и, отступив назад, взял душ и направил его на Шан Сижую:

— Не смей брызгать! Ты что, лягушка? Если ты брызнешь, я тоже брызну.

Шан Сижуй, оценив ситуацию, понял, что против душа он бессилён, и, смирившись, проглотил воду, вытер рот и начал брить виски и причёсываться. Чэн Фэнтай быстро принял душ, а Шан Сижуй всё ещё возился с маслом для волос. Вечером ему предстояло выступать, и волосы на лбу мешали. С трудом уложив их, он выглядел старше и более зрелым.

Чэн Фэнтай, стоя за его спиной, увидел их обоих голыми в зеркале и, прикусив его ухо, спросил:

— Тебе понравилось то, что было?

Шан Сижуй, глядя на своё отражение в запотевшем зеркале, ответил:

— Понравилось!

— Рядом с твоей комнатой спит Сяо Лай, и твои стоны могли её разбудить. Лучше приходи

сюда, здесь можно и помыться.

— Та женщина здесь, не хочу.

Он имел в виду танцовщицу.

Чэн Фэнтай махнул рукой:

— Через пару дней Фань Лянь заберёт её! Что за дела — его женщина живёт в моём доме? Это бросает тень на мою репутацию.

Он солгал с таким видом, будто говорил правду.

Шан Сижуй, погладив его по щеке, сказал:

— Ты боишься за репутацию? У тебя её и так нет.

Чэн Фэнтай поцеловал его ладонь:

— О? А что с моей репутацией?

— В общем, она ужасна.

Чэн Фэнтай настаивал на подробностях, и Шан Сижуй, не скрывая, рассказал:

— Говорят, что ты сначала жил за счёт второй госпожи, потом — за счёт сестры, а ещё обманывал женщин, в северных поездках убивал людей и торговал опиумом. В общем, ты — отъявленный негодяй.

Большинство мужчин на такие слова обиделись бы, но Чэн Фэнтай только рассмеялся и равнодушно сказал:

— Значит, я так выгляжу со стороны!

Неизвестно, соглашался ли он с этим или просто не обращал внимания на чужие мнения, но добавил:

— А ты зачем со мной, таким негодяем? Другие, когда ухаживают за лицедеями, тратят кучу денег, а я с момента нашего знакомства, кроме нескольких корзин цветов и колец, ничего тебе не дал. Но если о нас узнают, все подумают, что господин Шан получил от Чэн Эрье огромные выгоды.

Шан Сижуй фыркнул:

— Они все обыватели, не обращай внимания. Вечно несут чушь обо мне.

Из-за особенностей своей профессии Шан Сижуй не мог избежать общения с влиятельными военными и богачами, и его считали ветреным лицедеем. В светских кругах его почти приравнивали к элитной куртизанке, только с талантом к пению. Чэн Фэнтай же начал карьеру, живя за счёт женщин, что вызывало презрение, а затем занимался чем угодно, чтобы выжить. Хотя слухи об убийствах и торговле опиумом были спорными, в те времена честно разбогатеть было сложно. Оба они были в центре сплетен и относились к слухам с пренебрежением. Они верили только тому, что видели своими глазами, и не считали, что моральные качества партнёра как-то влияют на их чувства.

<http://bllate.org/book/15435/1368655>